

Юрий Нестеренко

Миссия

Первым, что он почувствовал, придя в себя, была вонь.

Вокруг была абсолютная темнота ("еще ночь? *уже* ночь?" - зашевелились вялые мысли). Звуков он тоже не слышал, как не ощущал и собственного тела. Но вонь явно свидетельствовала, что он все еще жив. Отвратительный смешанный смрад горелого человеческого мяса, обугленной кожи, спаленных волос, жженой резины, расплавленной синтетики - вероятно, остатков сгоревшей одежды и обуви - и еще какой-то дряни. "Вокруг, наверное, полно трупов", - подумалось ему. "Город должен быть полностью разрушен." Возможно, тьма вокруг объясняется не временем суток - сирены взвыли рано утром, теперь он вспомнил - а тем, что он погребен под завалами. Но все-таки жив.

Он даже не пытался бежать в убежище, понимая, что это бесполезно. Во-первых, подлетное время ракет с территории ГДР - три минуты, эта фраза есть во всех брошюрах по гражданской обороне. Во-вторых, их убежища не способны спасти от прямого попадания водородной бомбы, он говорил этим боннским идиотам, он, в конце концов, сам архитектор...

Что-то мягко и в то же время неприятно коснулось его лица, и он понял, что это всего лишь ветер - хотя не смог понять, теплый или холодный. Зато он понял, что находится все-таки не в полости, чудесным образом образованной рухнувшими плитами, а под открытым небом. И что ветер действительно несет запах гари, но гораздо более слабый. А та вонь, которую он чувствует, исходит от него самого.

Он попытался пошевелиться (только сейчас осознав, что лежит на спине), неуклюже коснулся живота, груди, потом лица. Ощущение повсюду было таким, словно все его тело - и руки тоже - стянуто сплошной коростой, в которой уже невозможно было различить мертвую кожу от лохмотьев одежды (кое-где в это месиво вплавились металлические пуговицы). Удивительно, но боли по-прежнему не было. Точнее, теперь он понял, что она была - особенно когда он двигался и когда ветер касался его лица (или того, что некогда было его лицом) - но далеко не такая, какая должна была быть, по его представлению, у человека, получившего ожог практически 100% поверхности тела. Он чувствовал себя так, словно просто обгорел на пляже и не более чем. Возможно, это потому (подумал он почти с академической отрешенностью, словно речь шла о ком-то совершенно постороннем), что нервные окончания кожи попросту сгорели. Когда-то он что-то читал на эту тему... Или же это просто действие шока.

И тем не менее - он все еще жив. Невозможно. Немыслимо. Человек не может выжить в эпицентре термоядерного взрыва. Он должен был получить не ожог четвертой степени, а распыление на элементарные частицы. Может быть, ракета отклонилась от цели, и он оказался лишь на периферии взрыва? У русских вечно все работает не так... Но даже если его не испепелил взрыв, его должно было убить обломками и падением. Он находился в квартире на шестом этаже, а сейчас он на улице, очевидно, что дом полностью разрушен... Но в любом случае, факт есть факт - я мыслю, следовательно, существую...

Однако это ненадолго. Это он тоже хорошо понимал. Никакая современная медицина - если предположить, что в превращенной в ядерное пепелище стране еще осталась медицина - не может спасти человека с такими ожогами. Возможно, у него в запасе всего лишь минут двадцать, прежде чем он начнет дико орать от боли, унять которую не получится уже до самой смерти. Плюс, конечно же, радиация. Сколько смертельных доз он получил? Самым верным было бы покончить со всем прямо сейчас, не дожидаясь, пока пройдет шок. Но ему решительно нечем это сделать. И не от кого получить помощь - даже такую. Возможно, он единственный живой - пока еще живой - на километры вокруг...

И тут он услышал шаги. Кто-то приближался к нему неверной, шаркающей походкой.

Первой мыслью лежавшего была рефлекторная, что это спасатели - хотя те, вероятно, двигались бы более бодрым шагом. "Помогите мне!" - хотел крикнуть он, но из горла (похоже, тоже обожженного раскаленным воздухом) вырвался лишь жалкий хрип. Тогда он просто протянул руку и ухватил идущего мимо человека за ногу. Точнее - за высокий армейский сапог. Хотя - разве Бундесвер сейчас ходит не в ботинках? Впрочем, конечно, по радиоактивным развалинам лучше в сапогах... выше голенища, наверное, вообще костюм химзащиты...

- А? Кто здесь? - донесся голос сверху. Он тоже звучал хрипло, не позволяя определить возраст, и тут же произнес те самые слова, которые силился выдать из своего горла лежавший: - Помогите мне!

"Мне бы самому кто..." - попытался сказать архитектор, но лишь засипел и закашлялся. Незнакомец, однако, похоже, все же воспринял это как поддержание диалога.

- Мне нужно доставить донесение в штаб полка, - сообщил он почти жалобно. - А я ничего не вижу!

- Я тоже, - смог, наконец, просипеть архитектор, осознавая еще одну истину. - Сейчас не ночь?

- Часа два как рассвело, - ответил вестовой.

"Ну да, ну да. Говорят, вспышка ядерного взрыва настолько яркая, что слепнешь даже сквозь закрытые веки..." Холодная волна ужаса при мысли о слепоте *навсегда* всколыхнулась было в животе и тут же развеялась, когда он вспомнил, что любое "навсегда" для него закончится максимум через несколько часов. Мысль о смерти почему-то пугала гораздо меньше, чем мысль о слепоте.

- Значит, тебя тоже накрыло? - продолжал солдат.

Глупый вопрос, подумал архитектор. Кого здесь мог не накрыть ядерный взрыв? Впрочем, парень, наверное, тоже в шоке и еще плохо соображает...

- Как и всех нас, - хрипло буркнул архитектор.

- Проклятые англичане!

"Англичане?" - удивился архитектор, но тут же мысленно согласился - да, можно сказать и так. В конце концов, именно они - вместе с французами, конечно - отдали русским Восточную Европу, и именно они, предпочетшие, вопреки выданному им мандату, до срока свалить с Ближнего Востока и оставить там весь узел нерешенных проблем, открыли путь к нынешней катастрофе. Хотя их роль все же была не главной...

- Угу, - согласился он вслух. - Слушай, у тебя есть оружие? Могу я... попросить об услуге? Мне уже не выжить, я не хочу мучиться. Я понимаю, ты меня не видишь, но просто приставь ствол к голове...

- Э, ты это брось! - возмущенно воскликнул вестовой, когда до него дошло, о чем речь. - Ты не врач, почем ты можешь знать? Ты даже не видишь свои раны, и я тоже. Может, тебя еще подлатают! Я не стану стрелять в своего товарища! Я солдат, а не убийца! Но отпусти уже мой сапог, я пришлю тебе помощь. Только сначала мне нужно в штаб полка...

- В какой штаб ты дойдешь, если ослеп? Да и никакого штаба, небось, уже нет...

- Как это нет? Что ты мелешь?! - рассердился солдат, но тут же смягчился: - Или тебя еще и контузило? Имя, звание, подразделение, число сегодняшнее помнишь? Я уже был в госпитале, это первое, что там спрашивают, чтобы понять, в порядке ли твоя башка.

- Четырнадцатое октября, - ответил архитектор, проигнорировав остальные вопросы. Словоохотливость солдата уже успела его утомить.

- Точно, - согласился вестовой. - Котелок варит, уже хорошо. И... ты прав, пожалуй - в таком виде я сейчас никуда не дойду. Лучше пригляжу тут за тобой, пока нас не подберут санитары.

Архитектор мысленно усмехнулся на слово "пригляжу", не очень подходившее к ситуации. Да и надежда на санитаров в нынешних условиях... но - а вдруг?! В нем вновь,

вопреки всякой логике, всколыхнулась надежда. Что, если этот парень прав, и его ожоги не так страшны, как ему показалось вслепую? И даже сетчатку еще можно вернуть к жизни? И, главное - в этом мире все еще найдется кому этим заниматься...

Он услышал, как солдат усаживается на землю рядом, и, наконец, выпустил его сапог.

- Так из какого ты полка? - продолжал допытывался вестовой.

- Для этого я уже слишком стар, - пробурчал лежавший.

- Так ты не солдат? - удивился его собеседник. - А кто же тогда?

На этот вопрос можно было ответить по-разному, но каждое слово ему по-прежнему приходилось с болью проталкивать сквозь опухшее горло, и он ограничился коротким: "Архитектор".

- Серьезно? - неожиданно обрадовался солдат. - Я тоже думал стать архитектором! Может, стану еще, после войны...

Да уж, подумал лежавший - после ЭТОЙ войны для архитекторов будет очень, очень много работы. Только выполнять ее будет уже некому.

- И как ты здесь оказался, архитектор? - продолжал расспрашивать "почти коллега". - Ты ведь не местный? Ты дойч?

- Вообще я родом из Австрии, - ответил лежавший, поневоле втягиваясь в разговор; это помогало отвлечься. - В Германию переехал позже.

- Ну надо же - и я точно так же! - восхитился солдат. - Мы прямо как братья... хотя ты говоришь - ты старый уже? Но я не это имел в виду. Как ты оказался здесь, на фронте под Ипром? Тут сейчас совсем не место для штатских.

- Под каким еще Ипром?

- Ну ты даешь, папаша! - хохотнул солдат. - Где, по-твоему, ты находишься?

- С утра был в Бонне, - раздраженно ответил архитектор, не понимая, то ли над ним издеваются, то ли это как раз у его собеседника не в порядке с головой. - До самого момента, когда на нас упала водородная бомба.

- Англичане бомбили Бонн?! - поразился солдат.

- Какие еще англичане?! Русские!

- Русские?! У нас же с ними мир!

- А то ты не знаешь, чего стоит любой мир с русскими...

- И как они могли бомбить? - продолжал солдат. - С цеппелинов? Это ведь их наполняют водородом? Но откуда у русских цеппелины, и как они сумели добраться так далеко, их бы сбили к черту... Нет, что-то ты не то плетешь! Ты ведь и сам никак не мог попасть из Бонна сюда так быстро. Разве что на аэроплане, но кто станет сажать в аэроплан архитектора?

- Один из нас точно не в своем уме, - сердито просипел архитектор. Это было куда более очевидным объяснением, чем та безумная догадка, что уже мелькнула в его мозгу. - Какая сегодня дата, по-твоему?

- Сам же сказал - четырнадцатое октября.

- Год! Год какой?!

- Тысяча девятьсот восемнадцатый, разумеется.

Нет. Невозможно. Немыслимо. Этот солдат просто контужен и несет вздор...

А мыслимо уцелеть в эпицентре ядерного взрыва?!

Вспомнился большой рождественский прием в боннской ратуше, на который он получил приглашение в прошлом году. Туда был приглашен и некий физик-теоретик, он не запомнил фамилию - кажется, ученик покойного Хайзенберга... так вот, во время обычной светской болтовни за коктейлями этот физик упомянул теорию, что-де термоядерный взрыв при определенных обстоятельствах способен "пробивать пространственно-временной континуум", обеспечивая таким образом путешествие во времени. Правда, физик тут же оговорился, что, даже если теория верна, для практических путешествий такой способ, безусловно, непригоден,

ибо любой материальный объект будет превращен в поток гамма-квантов еще до того, как успеет переместиться. Но, возможно, как раз в этом он был не совсем прав...

Четырнадцатое октября, да. Наверное, это не случайно, что он попал в ту же самую дату 41 год назад. Земля движется вокруг Солнца, и поэтому путешествие во времени не на целое число лет закончилось бы в открытом космосе. Но почему Ипр, а не Бонн? Город в Бельгии, где - точнее, рядом с которым - впервые было применено химическое оружие, получившее в результате название "иприт". Кажется, он расположен на одной широте с Бонном, только западнее. Ну да - год же не кратен суткам. Земля успела повернуться на сколько-то там градусов, вот он и оказался на другой долготе... Хотя - Солнце ведь тоже не стоит на месте, почему же тогда... но что он знает о путешествиях во времени? Его познания в физике ограничивались в основном сопроматом. А всякие там проколы континуума... может быть, они всегда происходят вдоль "мировых линий" звезд и планет - такой термин, кажется, употреблял все тот же теоретик, пытаясь объяснить на пальцах явно заскучавшим дамам теорию относительности...

Это немедленно вернуло архитектора к мысли о его долге.

- Ты ведь не шутишь? - спросил он почти с мольбой. - Я умираю, у меня нет времени на шутки. Сейчас действительно Первая мировая война?

- Какая? - переспросил солдат.

Ну да, конечно. Тогда ее так не называли - до тех самых пор, пока не началась Вторая. Тогда говорили просто "Великая война". А еще - "Война, которая положит конец всем войнам", наивные идиоты...

Но он может сделать так, что это станет почти что правдой. Он, посланец погибшего мира, может - должен! - предотвратить Катастрофу. Конечно, что бы он ни отдал сейчас (хотя - что он может отдать? у него не осталось совсем ничего!), чтобы иметь возможность выступить перед политиками, учеными, на худой конец - журналистами, а не простым и, скорее всего, малограмотным (да еще и слепым) солдатом. Но выбирать не приходится. Этот парень теперь - единственный шанс человечества. А что он ослеп, даже хорошо - теперь его демобилизуют и точно не убьют...

- Слушай меня внимательно, - он старался говорить настолько веско, насколько позволяло его обожженное горло, которое, кажется, продолжало опухать. - Я уже ничего не успею, мои ожоги смертельны. Но ты - ты должен его остановить!

- Кого?! - удивился солдат.

- Человека, который погубил мир. Айнштейна. Альберта Айнштейна.

- Это еще кто?

Теория относительности уже опубликована, но простой солдат вряд ли о ней слышал, и не в ней, собственно, дело...

- Президент Израиля. В смысле, бывший. Точнее, будущий.

- Какого еще Израиля?

- Еврейское государство в Палестине... Слушай, я понимаю, что мои слова прозвучат как полный бред. И я не прошу поверить мне сейчас. Просто запомни, что я расскажу. А потом, когда все это начнет сбываться, ты поймешь, что я был прав.

- Ты о чем, папаша?

- Не перебивай! Просто слушай, у меня мало времени, и мне трудно говорить! Видишь ли, я... знаю будущее. И оно ужасно. Германия проиграет войну...

- Нет!

- Да. Капитуляция будет подписана в Компьене меньше чем через месяц - одиннадцатого ноября в одиннадцать часов по парижскому времени. Одиннадцать - одиннадцатого - одиннадцатого, легко запомнить. Потом Германии навязжут Версальский мирный договор, по которому ей запретят иметь армию, обложат огромными репарациями, часть территорий отберут, часть оккупируют...

- Мы этого не допустим! Мы еще можем сражаться!

- В Германии произойдет революция. Кайзера свергнут, к власти придут социалисты. Они создадут Баварскую Советскую Республику, затем их влияние распространится по всей стране. В условиях хаоса, деморализации и экономической катастрофы попытки задавить их окажутся неудачными - тем более что им будут активно помогать русские большевики. В январе двадцать четвертого в России умрет Ленин, так и не оправившись после покушения, которое, если я правильно помню, уже состоялось...

- В газете писали, что в главу русских большевиков стреляла какая-то еврейская анархистка, - припомнил солдат.

- Каплан - так, кажется, ее звали. Ее потом сожгли в бочке без суда и следствия, что дало повод полагать, что истинным организатором покушения был кто-то из большевицкой верхушки, заматавший следы... В своем предсмертном письме Ленин резко раскритикует Сталина, своего возможного преемника, и к власти в России придет Троцкий. Его Ленин тоже критиковал, и у него были сильные враги, но в пользу Троцкого как создателя Коминтерна и идеолога мировой коммунистической революции сыграют успехи в деле продвижения этой самой революции в Германии. В двадцать пятом году генерал Людендорф таки сумеет силой разогнать социалистов, растерявших поддержку на фоне все усиливающейся нищеты, голода и хаоса, а затем выиграет выборы на пост президента Германской Республики - но Троцкий к этому времени уже будет прочно сидеть в Кремле. Некоторые, кстати, считали, что за покушением на Ленина стоял именно он, хотя доказательств не было... Так или иначе, Троцкий уничтожит одного за другим всех своих врагов и конкурентов - Сталина, Зиновьева, Бухарина и многих других - организовав серию показательных процессов, но этим его террор отнюдь не ограничится. Счет жертв пойдет на миллионы, вся Россия будет превращена в лагерь принудительного труда с расстрельно-палочной дисциплиной, но эффективность "трудовых армий" окажется крайне низкой, люди в так называемых колхозах будут массово умирать от голода. Не слишком привлекательная картинка для сторонников мировой революции, несмотря на все усилия красной пропаганды - так что неудивительно, что идти тем же путем добровольно желающих уже не найдется. Поэтому "мировую революцию" начнет делать Красная армия, захватывая одну страну за другой. В тридцать девятом - Польшу, в сороковом - балтийские страны, некогда входившие в состав Российской империи... маленькой Финляндии, правда, удастся отбиться, хотя и не без потерь... Генерал фон Шляйхер, возглавивший Германию после смерти Людендорфа в тридцать седьмом, понимал, что на этом Советская Россия не остановится, и отчаянно готовился к войне, - архитектор сам не заметил, как перешел на более привычное прошедшее время. - Но, хотя Версальские соглашения перестал выполнять еще Людендорф, они все же сильно задержали перевооружение Германии, и 23 июня сорок первого Троцкий напал первым. Красная армия воевала плохо и к тому же была плохо оснащена - при Троцком в стране практически не осталось ни талантливых военачальников, ни талантливых ученых и конструкторов, все они были выкошены репрессиями как потенциально неблагонадежные. Но это была самая крупная армия в мире, и она заваливала противника трупам, но продвигалась вперед. Англия и Франция поначалу не вмешивались, ибо Германия все еще казалась им худшей угрозой, чем Россия - чудовищный идиотизм, да - но потом даже до них дошло, что если не остановить русских сейчас, то они дойдут не только до Райна, но и до Ла Манша, и на другую его сторону. Американцы так и остались в стороне. У них, правда, были напряженные отношения с Японией, но та так и не отважилась напасть на США, не имея союзников, и предпочла мирно договориться о разделе сфер влияния на Тихом океане. А вот на территории Германии вышла бойня, оставившая далеко позади всю Первую мировую.. то есть нынешнюю войну. Дойчи потеряли семь миллионов, из которых почти половина - мирные жители, французы - два с половиной, англичане - миллион двести. Точные потери русских (и тех народов, которые они заставили воевать на своей стороне) так и не известны - они, естественно,

занижали их во много раз - но предположительно они потеряли примерно пятьдесят миллионов - четверть населения Советской России! - из которых тридцать на фронте и двадцать в тылу от голода и репрессий. Тем не менее, их натиск захлебнулся только в мае сорок пятого. Причем не потому, что у них закончились люди. Закончилась техника.

Но даже после этого русские из Германии не убрались. Они удержали примерно тридцать процентов территории, включая половину Берлина. Ну то есть формально это были не русские. Это была "Германская Демократическая Республика", независимое социалистическое государство, созданное после "победы революции". Но держалось оно на "братских" русских штыках. Дойчи - в смысле западные - хотели, конечно, продолжать войну до полной победы и освобождения своей земли. Но сделать это в одиночку лежавшая в руинах Германия не могла. А французы и британцы уперлись: ах, наши народы устали от войны, ах, Троцкий предлагает мир, хватит кровопролития. И Потсдамский мир, оставивший Троцкому Восточную Европу, был заключен. Столицей свободной Германии стал Бонн.

Вот в таких условиях был создан Израиль - независимое еврейское государство в Палестине, которой после поражения Турции в Первой мировой управляли англичане. Сам по себе это не был проект большевиков - это была давняя мечта евреев, которые поехали туда со всего мира, но Троцкий его поддержал. Не столько потому, что сам был евреем - просто он рассчитывал, что Израиль станет советским форпостом на Ближнем Востоке, ну и, конечно, хотел лишний раз подгадить англичанам. Однако этот расчет не оправдался - просоветским Израиль не стал. Его первым президентом стал Альберт Айнштайн, всемирно известный физик.

Однако арабы отказались признать новое государство и с первых же дней повели против него войну на уничтожение. При этом после смерти Троцкого в сорок девятом году власть в России захватил генерал Жуков, который евреев сильно не любил. Троцкий терпел его и держал на высших командных постах лишь потому, что Жуков отличался поразительной даже по российским меркам беспощадностью к собственным солдатам... В общем, когда Россия стала на сторону арабов, англичане умыли руки, а прочая Европа, еще отходившая от войны - как, впрочем, и Америка, войны избежавшая - тем паче не хотели вмешиваться, ситуация для маленького Израиля стала совсем критической. И тогда Айнштайн создал ядерную бомбу. Самое страшное оружие в истории, способное уничтожить все человечество. Точнее, самой страшной является его водородная модификация, она была разработана позже, тоже в Израиле.

Я не буду даже намекать тебе, как устроено это оружие. Оно не должно снова прийти в мир. Но у маленького Израиля не хватало технических возможностей, чтобы наладить его производство. Даже испытания проводить было толком негде. Поэтому Айнштайн предложил союз - не разоренной Германии, откуда он был родом, но которую, похоже, не очень жаловал, а сильной и богатой Америке. Он им - технологию, они ему - материальные ресурсы и военно-политическую поддержку. Так ядерное оружие появилось и у США. Но не все в Израиле были настроены проамерикански. Хватало среди израильтян все-таки и просоветских - несмотря на политику Жукова, да, и опять не спрашивай меня, как люди могут быть такими идиотами... И вот двое таких - супруги Розенберги, что интересно, выходцы из Америки - передали секрет советским агентам. Так началась гонка ядерных вооружений. За несколько лет американцы и русские наделали их столько, что хватило бы для полного уничтожения цивилизации, и даже с запасом.

Надо сказать, что Израиль это в первое время спасало. После наглядной демонстрации ядерного взрыва в Синайской пустыне арабы лишь устраивали теракты на улицах еврейских городов, но больше не решались открыто нападать на страну, имеющую такое оружие. Но постепенно они все больше нагнали, чувствуя поддержку Советской России, у которой ядерных бомб было намного больше, чем у Израиля. К тому же их муллы вопили с каждого минарета, что все "шахиды", погибшие в войне с евреями, отправятся прямиком в рай. После смерти Айнштейна в пятьдесят пятом Израиль возглавил его коллега и соратник по ядерному проекту

Оппенхаймер, настроенный еще более решительно. Он объявил об окончательной аннексии арабских земель, захваченных в ходе первой арабо-израильской войны. Ситуация продолжала накаляться. И в конце концов двенадцатого октября пятьдесят девятого года коалиция арабских государств начала Войну Судного дня.

У арабов не было своей ядерной бомбы, они атаковали обычными войсками, но в очень больших количествах. Оппенхаймер ответил ядерным ударом по Дамаску. Тогда Жуков приказал сбросить ядерную бомбу на Тель-Авив. Там, помимо прочего, был уничтожен американский авианосец, только что вошедший в порт в качестве жеста союзнической поддержки. Американцы в ответ нанесли ядерные удары по русским базам. Ну и, в общем, понеслось. Остановить это безумие уже никто не смог. Сегодня утром русские уничтожили Бонн, и... очевидно, там, в будущем, обмен ударами будет продолжаться до тех пор, пока вся Земля не превратится в одно сплошное пепелище. Это не займет много времени. Не больше суток, чтобы убить несколько миллиардов человек и положить конец человеческой истории.

Теперь ты понимаешь? Это надо предотвратить. Любой ценой. Это оружие не должно появиться. Даже если погибнет Израиль - лучше он, чем весь мир!

Архитектор обессилело умолк. Заканчивал свою речь он уже с большим трудом - горло совсем опухло и едва пропускало воздух. Осознание важности задачи позволило ему договорить до конца, почти не обращая внимания на свое физическое состояние - но теперь полученные им травмы быстро брали свое. Он не только задышался, но и чувствовал, как стремительной волной накатывает боль по всей поверхности тела. Действие шока заканчивалось.

- Как тебя зовут? - спросил солдат, возможно, надеявшийся позже разыскать его в госпитале и узнать дополнительные подробности.

- Визенталь, - просипел архитектор из последних сил. - Симон Визенталь. Но это... неважно... - он прекрасно понимал, что ни до какого госпиталя не доживет. - Важно то, что ты должен... - боль, адская боль нахлынула так резко, что заставила его забыть о спасении мира. - Пожалуйста... - с трудом выдавил он, - убей... - спазм перехватил его горло, не дав закончить новую просьбу о милосердной пуле, и он лишь мучительно застонал через нос.

Но солдат уже не слушал этих сдавленных хрипов и стонов. Его охватило лихорадочное возбуждение, как это уже не раз бывало с ним прежде (он знал, что обладает тонкой и чувствительной артистической натурой, хотя некоторые называли это просто истеричностью), но, кажется, никогда еще с такой силой. Он поверил, поверил целиком в эту совершенно невероятную историю. Он всегда знал, что мир устроен сложнее, поэтичнее и грандиознее, чем пишут в скучных школьных учебниках, что в нем есть место и пророкам, провидящим будущее, и героям, избранным Судьбой ради великой миссии. И ему не раз уже казалось, что он один из таких Избранных... вот только прежде он думал, что ему предназначено стать великим художником, потом - архитектором... и лишь теперь он понял, насколько грандиознее его Миссия и в чем действительно она состоит! От него одного зависит спасение человечества! Он станет величайшим из всех героев в истории!!!

Потрясение было так велико, что он лишился чувств.

Первым, что он почувствовал, придя в себя, была вонь.

Эта была классическая, неистребимая вонь переполненных военных госпиталей - запах карболки, хлороформа и много чего еще, включая пропитанные гноем повязки и кишечные газы и испражнения лежащих больных. Неподалеку кто-то стонал, и это пробудило воспоминание в его еще вялом мозгу. Одновременно что-то мягко коснулось его лица, и он понял, что это всего лишь ветер - точнее, дуновение воздуха от чего-то, быстро движущегося мимо. Он открыл глаза, все еще плохо видевшие, и различил сквозь серую муть (утро? вечер?) белесый силуэт, скользящий слева подобно ангелу или призраку.

- Эээ...

- Очухался? - военврач резко остановился, оборачиваясь; полы халата, словно крылья, взметнулись и опали у него за спиной. - Помнишь, кто ты?

"Спаситель", - хотелось ответить ему, но вместо этого он четко, по уставу назвал звание, имя и свою часть - Шестнадцатый Баварский пехотный полк.

- Хорошо, гефрайтер, - одобрительно кивнул врач. - Ты в госпитале в Пазевальке. Вижу, теперь ты действительно пришел в себя и пойдешь на поправку.

- Что со мной было?

- Ты надышался английского горчичного газа и временно потерял зрение. Но доза была небольшая, так что отделаешься без последствий. Собственно, ты должен был прийти в норму еще раньше, но на твою психику это повлияло сильнее, чем на твой организм. Когда тебя нашли, ты был перевозбужден и нес какой-то бред. Такое бывает - типичный случай военной истерии. Пришлось прописать тебе лошадиные дозы успокоительного, от которых ты спал сутками напролет. Но теперь уже, похоже, все в порядке.

- Когда меня выпишут?

- Что, так не терпится обратно на фронт? - усмехнулся врач. - Я бы на твоём месте не торопился. Войне скоро конец.

- При всем уважении, херр доктор... - начал он, рефлекторно желая возразить на столь непатриотичные речи, но запнулся. "В одиннадцать одиннадцатого одиннадцатого", - вспомнилось ему.

- Что? - спросил врач, не дождавшись продолжения.

- Я только хотел спросить... а что со стариком, который был вместе со мной? Он не здесь?

- Каким стариком?

- Ну... - он понял, что не может вспомнить имени. Да и тот так хрипел и сипел под конец, что разобрать слова было почти невозможно. - Там, где меня нашли, в поле под Ипром, там был еще старик. Архитектор из Бонна. Кажется, он пострадал сильнее меня. Он умер?

- Согласно сопроводительным бумагам, ты был один, - нахмурился врач. - Ты спешил с донесением в штаб, когда потерял зрение, ну и заблудился позади наших позиций. Мертвеца, конечно, могли и не упомянуть, тем паче штатские вообще не по нашему ведомству, но сам подумай - откуда там взяться архитектору из Бонна! Похоже, у тебя опять начинается бред...

- Нет-нет! - поспешно воскликнул гефрайтер. - Наверное, мне это просто приснилось.

И тут же он почувствовал холод в животе - а что, если это и впрямь так? Если его великая миссия, его предназначение - не более чем наркотический сон, вызванный большими дозами лекарств?

- А... одиннадцатое ноября скоро? - спросил он.

- Через две недели. Ладно, гефрайтер, отдыхай, - врач направился к следующей койке.

Значит, через две недели он узнает все окончательно. Если капитуляция будет подписана именно в это время, во французском городе, как его, на К... что-то вроде "компаний" - значит, все правда. Впрочем, он уже не сомневался в этом. Никакой это был не сон.

Конечно, что-то рассказывать и объяснять другим бесполезно. Его объявят безумцем и запрут в сумасшедший дом. Даже если начнут сбываться его предсказания - пророков никогда не слушают. Надо просто делать свое дело, не объясняя истинных мотивов остальным. Может быть, потом, когда его миссия будет выполнена - но не раньше.

Вот только... он никак не мог вспомнить фамилию того физика. Как и остальных, упомянутых архитектором. Наверное, это следствие ударных доз лекарств, которыми его тут пичкали. Помнил только фамилию Троцкого, потому что уже встречал ее в газете раньше.

Но это неважно. Когда на кону спасение всего мира - фамилии не важны.

Достаточно, что он знает их национальность.

Примечания

Хитлер принимал участие в разоблачении коммунистических агентов в армии во время подавления Баварской Советской Республики в 1919, а затем работал на военную разведку, выполняя аналогичные задачи. Была ли его роль критической в том, что коммунизм в Германии удалось задавить? Сама по себе, видимо, нет. Однако в условиях послевоенного хаоса даже небольшой камешек мог склонить чашу весов на другую сторону, и если бы по окончании Первой мировой Хитлер придерживался левых взглядов (что было вполне возможно) - как знать, быть может, Советская Бавария (и даже советская Германия) и впрямь просуществовала бы дольше. Именно в качестве агента разведки Хитлер был внедрен в DAP (Германскую Рабочую Партию), на базе которой позже сформировалась NSDAP.

В Израиле действительно выдвигалась идея пригласить на пост главы государства Айнштайна. В нашей версии истории Израиль - парламентская республика, в описываемой - президентская.

В нашей версии истории Война Судного Дня началась 6 октября 1973. В 1959 праздник Йом Кипур приходился на 12 октября. Название, естественно, имеет двойной смысл - помимо буквального названия религиозного праздника, война стала "судным днем" для Израиля, а в мире рассказа - и всего человечества.

Хитлер не знает, что стало с Визенталем и как в данной ситуации разрешается "парадокс дедушки", но читатель вправе это знать. Точкой бифуркации, изменившей историю, стал момент, когда Хитлер, выслушав рассказ Визенталю, принял решение о своей "миссии". С этого момента вся прежняя версия истории исчезла, соответственно, исчез и попавший в прошлое Визенталь. Однако он исчез *после*, а не *до* точки бифуркации. Соответственно, его рассказ в памяти Хитлера остался.